

„Страдание — позор мира“

Из последнего письма А. М. Горького
к М. М. Зощенко

Дорогой Михаил Михайлович! Вчера прочитал «Голубую книгу». Compliments мои едва ли интересны для Вас и нужны Вам. Но все же кратко скажу: в этой работе своеобразный талант Ваш обнаружен еще более уверенно, светло, чем в прежних.

Оригинальность книги, вероятно, не сразу будет оценена так высоко, как она заслуживает. Но это не должно смущать Вас. Вы уже почти безукоризненно овладели Вашей «манерой» писать. Но, кажется мне, иногда не совсем правильно отбиваете материал, то-есть оперируете фалстами, недостаточно типичными.

Ах, Михаил Михайлович! Как хорошо было бы, если бы вы дали в такой же форме книгу на тему о страдании. Никогда и никто еще не решился осмелеть страдание, которое для множества людей было и остается любимой их профессией. Никогда еще ни у кого страдание не возбуждало чувства безразличия. Освященное религией «страдающего бога», оно играло в истории роль «первой скрипки», «лейтмотива», основной мелодии жизни. Разумеется, оно вызывалось вполне реальными причинами социалистического характера—это так!

Но в то время, когда «простые люди» боролись против его засилья хотя бы тем, что заставляли страдать друг друга, тем, что бежали от него в пустыни, в монастыри, в «чужие края» и т. д., литераторы-прозаики и стиховеды фиксировали, углубляли, расширяли его «универсализм», невзирая на то, что даже самому страдающему богу его страдания опротивели и он взмолился—«отче, пренеси мимо меня чашу сию»!

Страдание—позор мира и наиболее его ненавидеть для того, чтобы истребить.

У скандинавов есть песня, в которой содержится такое слово:

«Преподана дьяволом Адаму наука,

Дабы мать дожда мя во грехах и мучах»...

Но вот в наши дни воды становится безболезненными благодаря заботам науки о человеке.

О этого противопоставления и начать бы книгу об истреблении страдания и указать бы, что литераторы как будто даже до пресыщения начитались церковной, апокрифической литературы о великомучениках, явобы, угодных богу...

Высмеять профессиональных страдальцев—вот хорошее дело. Заботой Михаил Михайлович. Высмеять человека, который, обнимая любимую женщину и укол палки булавкой, уличает болью укола любовь свою, человека, который восхищался могучей красотой Кавказа до поры, пока не загнулся на камень на дороге, увидя большой палец на ноге и проклял «чудовищное нагромождение чудовищных камней». Высмеять всех, кого иллотские мелочи и неудобства личной жизни настраивают враждебно к миру.

Вы можете сделать это. Вы отлично слезали бы эту работу; мне кажется, что Вы для нее и созданы, и ней и осторожно идете, слишком осторожно, по-жалуй!

Искренне рад узнать, что здоровье Ваше в добром порядке, а то, знаете, тревожно было слышать от товарищей, что Вы неважно чувствуете себя.

Ну, и будьте здоровы на долгие годы. Не пора ли, однако, поехать Вам куда-нибудь отдохнуть?

Крепко жму вашу руку.

А. ПЕШКОВ.

25 марта 1936 г.

Тессели. (Крым, у Байдарских ворот).